

Мой Адрес:

Киев, ул. Горовица д. № 40, кв. 20.

(Улица Горовица переименована, по старому, в Большую Житомирскую.)

Николай ПРАХОВ

Киев, 4 Августа 1952 года

Николай Адрианович Прахов

ПЕЙСАХОВКА

(Еврейская пасхальная водка)

Приближался праздник Пасхи. Сёстрам моим — Лёле и Оле — домашняя портниха шила, под наблюдением мамы, какие-то особенно нарядные платья из тонкого, белого «Муслина». Мама решила, что надо и мне обновить экипировку к этому дню. Серая гимназическая блуза, которую носил уже давно, сильно потёрлась и обносилась, а из мундира я вырос и рукава стали короткими. В Киеве в то время было два лучших портных, имевших магазин рядом по правую сторону Николаевской улицы, — Ольшамовский и Климович. Оба поляки, они хорошо поставили дело и имели свою постоянную клиентуру, которую широко кредитовали. Только под Новый год посылали поздравление, кончавшееся деликатным напоминанием о том, что — «Бухгалтерия заканчивает свой годовой отчет». К письму прилагался счёт.

Мама не знала, к кому из них обратиться с заказом, и попросила совет у своей хорошей знакомой — Марии Васильевны Горловой, у которой была два сына — студенты юридического факультета. Один из них, по прозвищу «Дипломат», брал с моими сёстрами, сёстрами Сикорскими [41] и со мной уроки танцев и «светских манер» у киевского «балетмейстера» пана Ленчёвского [42].

«Ваши мальчики всегда так хорошо одеты, кто им шьёт: Климович, или Ольшамовский?» спросила как-то раз моя мама Марию Васильевну Горлову. — «Не знаю, как Вам рекомендовать? Захотите ли Вы иметь дело с моим портным?» — был ответ. — «А почему же не захочу?» — «Им шьёт портной Раскин, он жид». — «Но ведь он шьёт хорошо? Вы довольны им? Он честный?» — «О — вполне!» — «Так в чём же дело?! Какая разница — поляк он или жид? Ведь мне не детей с ним крестить! Лишь бы шил хорошо!», — ответила моя мать. «Хорошо, я вам его пришлю», — и разговор перешёл на другие, более интересные для обеих собеседниц темы.

Через несколько дней горничная доложила, что пришел портной. Это был пожилой, низкого роста ярко-рыжий еврей. Почтительно поклонившись моей

матери, передал ей записку Марии Васильевны Горловой и разложил на столе образчики серой материи для блузы и синей для мундира, разного качества и на разные цены.

Мама выбрала те, что получше, и портной приступил к работе по снятию с меня мерки. На клочке бумаги то и дело появлялись какие-то непонятные еврейские буквы. Закончив это дело, он завернул в бумагу свои образцы, за исключением двух, которые подал моей матери. — «Что это такое?», — спросила она, с удивлением. — «А это образцы той материи, которую вы выбрали». — «А зачем они мне?» — «Ну, это для того, чтобы вы могли сличить, чтобы видели, что я из этой материи шил мундир и блузу вашему сыну». — «А зачем же мне сличать? — Если вы честный человек, вы и без образцов меня не обманете, а если мошенник, то и с ними надуете». Портной с изумлением посмотрел на мою мать, а потом раздельно, тихим голосом сказал: «Как, вы мне, — жиду — верите?»... — «А почему мне не верить, если вы, как говорите, — жид?», — ответила моя мать. Раскин почтительно поцеловал ей руку и ушёл, видимо, сильно взволнованный.

Об этом эпизоде поговорили в нашей семье и забыли.

Пришла Страстная неделя. В Киев приехал великий князь Пётр Николаевич навестить свою мать — великую княгиню Александру Петровну — основательницу «Покровского» женского монастыря на Львовской улице. Молодой офицер, сам немного художник, пожелал осмотреть Владимирский собор, внутренняя отделка которого подходила к концу и была в полном разгаре. В печати, русской и заграничной, уже писали о работах художников — Васнецова, Нестерова, братьев Сведомских, Котарбинского [43], Врубеля [44] и моего отца как о выдающемся событии в области русской художественной жизни. Приезжавший в Киев несколько раз француз-археолог Барон де Бай [45] напечатал в одном из толстых парижских журналов восторженную статью о работах Виктора Михайловича Васнецова, называя их «Ренессансом» русской церковной живописи. В Реймской Академии наук и искусств он же сделал доклад об этих работах, после которого Виктор Михайлович был избран единогласно в число членов Академии и получил диплом.

Желающих осмотреть собор было много. Пускали в него по запискам председателя строительного комитета, или же моего отца. Чаще обращались за разрешением к нему. Почётных гостей: заезжих иностранцев и приезжих русских, обычно он водил сам по собору, так как свободно говорил по-французски, [по-]немецки, [по-]итальянски и понимал достаточно английский язык.

Через своего адъютанта, такого же, как он сам, молодого человека, великий князь Пётр Николаевич выразил моему отцу желание князя осмотреть собор и просил назначить день и час. Решили осматривать на следующий день, с утра.

Отец принял высокопоставленного гостя, оказавшегося совсем простым офицером, с большим интересом слушавшим объяснения и смотревшим живопись, не ограничиваясь удобным хождением внизу, а легко взбиравшимся на «леса», вслед за своим проводником. В соборе он познакомился с работавшими в то время художниками — братьями Сведомскими — Павлом и Александром, их другом Котарбинским — Вильгельмом Александровичем и Виктором Михайловичем Васнецовым, на которых произвёл приятное впечатление простотой обращения и дельными замечаниями о живописи.

По окончании осмотра собора, длившегося несколько часов, отец пригласил гостей заехать по дороге к нам, чтобы отдохнуть и выпить чашку чая. У нас, уже взрослых детей, по чужим рассказам и газетам, сложилось представление о «великих» князьях как о существах необыкновенных, действительно чем-то «великих», что отличает их от других простых смертных. Новый гость рассеял эту иллюзию. — Держался просто, почтительно поцеловал руку нашей матери, поздоровался с моими двумя сёстрами и со мной, и оживленно беседовал за чаем с нашими родителями в уютной гостиной. Во время беседы с отцом о русской религиозной живописи и предстоящих в ближайшем будущем работам по украшению Владимирского собора, Пётр Николаевич выразил желание познакомиться с художниками, чтобы лучше с ними познакомиться и поговорить об искусстве. Он сам немного работал акварелью — сочинял рисунки утвари для петербургской Романовской церкви, а в Киеве — для своей матери — сочинил архитектурный проект собора Покровского монастыря и ворота, ведущие к нему со стороны Дионисиевского переулка.

Отец пригласил гостя приехать к нам пообедать и провести вечер вместе с художниками. Назначили ближайший день. Уехал почётный гость со своим адъютантом, державшимся всё время немного в тени, поблагодарив наших родителей за приём и приветливо простившись с нами, моими сёстрами Лёлей, Олей и со мной — гимназистом в новеньком мундире, точно нарочно к этому дню шитом рыжим портным Раскиным.

Следующий день был для нашей матери — днём хозяйственных забот и хлопот. Вместе с отцом обсудили «меню» обеда. Кухарка была хорошая, умевшая вкусно готовить, и с этой стороны опасений для хозяйки не было никаких. Возник вопрос: какие вина поставить на стол? надо ли покупать шампанское? и если надо, то какое? — «сухое» или «сладкое» или же оба? — Помню, как отец сказал: — «Шампанским его не удивишь. Он у себя дома, в офицерском собрании, пьёт его, как лошадь воду». — Решили купить то же красное и белое вино «Удельного ведомства», которое пили обычно, добавив к ним — мадеру, херес, портвейн и марсалу, а к кофе — коньяк и ликёры: шартрёз и бенедиктин. Само собой разумеется, разные водки к закускам.

Накануне обеда, днём, приехал неожиданно адъютант великого князя с визитом к моей матери. Поздоровавшись с ней, сказал: «Эмилия Львовна, я заехал к Вам нарочно, чтобы предупредить, как хозяйку, — вы, вероятно, не знакомы с установившимся этикетом, а правило такое: если великий князь изъявляет желание быть у кого-нибудь “запросто”, то в доме — кроме хозяев — могут быть и их постоянные гости, но после прибытия его высочества вы никого не должны принимать. Кроме того, его высочество выразил согласие пообедать с Вами “запросто” и меня при этом не упомянул. Это значит, что сопровождать его буду не я, а домашний врач, доктор Берёзкин. Вот и весь Этикет». Раскланялся и уехал.

День, назначенный для обеда, пришёлся на Страстной Четверг. Родители мои, совсем не богомольные, забыли про Великий пост и не включили в меню обеда рыбу. Мама волновалась, хотела уже ехать сама в Гранд-отель, где принимали заказы на изысканные, экстренные блюда, как вдруг горничная доложила, что пришла дочь портного Раскина и просит её принять. — «Просите», ответила мама. В комнату, полутёмную столовую, вошла молодая, скромно одетая женщина с огромной корзиной, из которой вынула такое же огромное блюдо, тщательно завёрнутое в белую салфетку и небольшой гранёный графинчик с какой-то желтоватой жидкостью. Слегка конфузясь, неожиданная гостья, сказала маме: «В этом году у нас, евреев, и у Вас, христиан, — Пасха приходится на один и тот же день. Мои родители просят вас не побрезговать и принять вот эту фаршированную щуку, которую моя мать приготовила для вас своими собственными, чистыми руками, а это наша Пейсаховая водка, которую готовят мужчины из винограда только к празднику Пасхи. Отец мой сам её делал и просит вашего мужа отведать».

Огромная фаршированная щука прилась к обеду, как нельзя более кстати, а Пейсаховую водку отец мой, приехавший из Собора с художниками, решил подать к столу как особый деликатес, который, наверное, ни разу не пил ни один великий князь.

Был у нас друг и приятель — Павел Варпаховский. Старший брат его, студент-медик, учился в Дерптском университете, а он жил в Киеве со старушкой матерью, вдовой офицера, и учился в Первой гимназии. К наукам был мало способен, немного ленив, с трудом дотянул до пятого класса и, как тогда водилось, дал торжественно «честное слово» директору гимназии, что поступит в юнкерское училище и получил нужное для этого свидетельство об окончании «полного курса Гимназии за шесть лет». В юнкерском училище слегка поленился, не давалась ему совсем «военная муштра» и потому был у своего нового начальства на плохом счету. Наша мать относилась к нему хорошо и, когда узнала от адъютанта великого князя правила этикета, решила пригласить и его

на обед. По случаю Страстной недели он жил у своей матери, недалеко от нас.

Ровно в назначенный час приехал великий князь Пётр Николаевич в сопровождении доктора, молодого, худощавого блондина, который, уловив удобную минуту, попросил нашу мать не обращать на него никого внимания и до обеда держался в тени. Разговаривал с нами, детьми, или читал, сидя один в гостиной.

Столовая наша была полутёмная, продолговатая комната с тремя дверьми, из которых одна соединяла её коридором с кухней, другая вела в рабочую комнату отца, а третья — застеклённая — вела в маленькую проходную комнату, служившую дополнением к гостиной. Днём освещалась она единственным окном, выходящим на веранду перед кухней, а вечером висящей, керосиновой лампой «Молния». — Стол был нарядно сервирован, о чём позаботилась мама, любившая «красиво» принять гостей, кто бы они ни были.

Оживлённые беседой, гости расселись по местам за обеденный стол.

Хозяйка, как полагается, сидела во главе стола, разлив суп. По правую её руку сидел вел[икий] князь Пётр Николаевич, рядом с ним сидел наш отец, а дальше художники, не помню в каком порядке.

Мы, дети, и Павел Варпаховский сидели по другую сторону стола, при чём, как-то так вышло, что Павел сидел прямо против великого князя. — Увидав его перед обедом, Пётр Николаевич поздоровался со стоящим перед ним «на вытяжку» бравым юнкером, гаркнувшим на его приветствие: «здравствуй, юнкер» — во всю силу своих лёгких: «Здравия желаю, ваше императорское высочество!»

Приглашая приступить к закуске, мой отец протянул гостю гранёный графинчик и сказал: «ваше высочество, разрешите угостить вас тем, чего вы, наверно, ещё ни разу не изволили пробовать: это самодельная еврейская водка, приготовленная специально к Пасхе из винограда. Зовётся она Пейсаховка, сегодня её принесла дочь портного, который шил гимназический мундир нашему сыну. В этом году наши праздники совпадают».

Пётр Николаевич взял из рук отца гранёный графин и налил себе большую рюмку, со словами: «Что же, попробуем жидовскую Пейсаховку, какая она на вкус? — Действительно — никогда в жизни не пил». — Ловко, привычным движением опрокинул в горло содержимое рюмки и от неожиданности замер... Глаза расширились, закашлялся — весь красный... Первую минуту родители наши испугались — у обоих, как признавались потом, мелькнула одна и та же, странная мысль: «отравили!.. это нарочно всё подстроили!»... Но молодой человек откашлялся, по-видимому немного сконфуженный таким «афронтом», налил сейчас же полную рюмку и протянул её через стол к Павлу Варпаховскому, со словами: «Юнкер — пей!» Тот вскочил на вытяжку, принял рюмку

Меморіальна доска А. В. Прахову
на доме по улице Владимирской, 11/6,
скульптор Наталия Дерезус-Лоренс,
Киев, 1996

и, зная уже, что предстоит выпить нечто чрезвычайно крепкое, — храбро проглотил не моргнув и глазом, гаркнув перед этим: «За здоровье вашего императорского высочества!»

«Молодец, юнкер! — Здорово пьёшь «пейсаховку!» — А ну, давай чокнемся!» — Налил две большие рюмки, чокнулся с Павлом и, на этот раз, благополучно выпил. Потом повторил с ним ещё раз.

У наших родителей и художников — сразу отлегло от сердца! Обед прошёл оживлённо. Огромная фаршированная щука «по-жидовски» впервые, как и «пейсаховка», испробованная молодым великим князем, имела большой успех. Пить кофе перешли в папину рабочую комнату с тремя высокими, полукруглыми окнами, выходящими на Большую Житомирскую улицу. Здесь разговорились о предстоящих работах по украшению Владимирского собора, об искусстве древнего Киева и о намеченной постройке [Покровского монастыря — перечеркнуто в оригинале. — О. С.] монастыре. Увидав отцовский рабочий стол с разбросанными на нём художественными принадлежностями, Пётр Николаевич попросил дать кусочек бумаги или картона и живо набросал, как

представляет себе византийское «Горнее Место» в алтаре Владимирского собора, а потом — ворота Покровского монастыря со стороны Дионисиевского переулка, построенные по его проекту. Под акварельным наброском поставил свои инициалы с короной и датой.

Разговор был общий, в котором мы, дети, участия не принимали, только слушали, а больше помогали маме и горничной убирать обеденный стол и накрывать его к чаю, час которого приближался.

Мама беспокоилась, что может не хватить сахару и послала меня в лавочку Корнилова, имевшего во всей округе не очень лестную кличку «Жулик». Мелочная лавочка его помещалась через улицу, против дома Лаппо [46] на Большой Житомирской улице, где мы жили, и была обычно открыта до позднего часа ночи, надо было только постучать в дверь.

Узкая, чугунная лестница — в два марша, — ведущая в нашу квартиру, была освещена в этот вечер не одной, а двумя висячими керосиновыми лампами «для парада». Сбегая по ней, увидал, что внизу толпятся городовые с полицмейстером во главе. Заметив меня, — мальчишку — и узнав, он, бывавший в нашем доме «с визитом» у отца, приложился к козырьку и спросил: «Извините пожалуйста, его высочество у вас?» — «У нас», — бросил на бегу ответ, торопясь за сахаром в лавочку. — «А, что они у вас делают? Разрешите спросить?» — «Водку пьёт с юнкером!» — ответил, не глядя, и побежал через ряд городских, на лицах которых засияла счастливая улыбка при таком, неожиданном, ответе.

Пока пили чай, наша кухарка Ефросинья делала своё предпраздничное дело — пекла куличи и высокие «бабы», заранее готовя их к празднику Пасхи. Готовые «бабы» разложила, как всегда, в соседней со столовой комнате, а самые большие на тахте в гостиной. Благоухание свежеспеченного теста, ванили и шафрана проникло в столовую. «Как у вас, Эмилия Львовна, вкусно пахнет!» — сказал Пётр Николаевич. — «Это кухарка печёт к празднику бабы». — «А у моей мамы сегодня их тоже пекут, но я не замечал, что так вкусно пахнут». — Одна из виновниц разговора была сейчас же позвана к чайному столу и заслужила всеобщее одобрение.

Был четвёртый час утра, когда великий князь стал прощаться со всеми. Проходя через гостиную, заметил лежащих на тахте «баб» и сказал: «Какие они у вас, Эмилия Львовна, высокие». — Мама взяла одну из них, получше, и поднесла гостю со словами: «Разрешите через вас, ваше высочество, передать вашей матушке вместе с моим поздравлением с предстоящим Светлым Праздником». Пётр Николаевич поблагодарил, принял и только на время передал кому-то, пока одевал шинель, потом взял её с собой. Садясь в карету, сказал провожавшему его нашему отцу: «Ведь вот — никогда в этот час, в Страстную Пятницу, с “бабой” в карете не ездил, а сейчас от вас поеду!» Пожал отцу руку

и поехал вместе с доктором, заменившим на этот раз адъютанта и совершенно ступевавшимися.

На улице, в отдалении, стоял полицмейстер и пара городских. — Точно сквозь землю провалились все остальные, не меньше десятка, что стояли на нашей лестнице.

Позже узнали, какой переполох в полицейском мире вызвал неожиданный приезд к нам на обед великого князя Петра Николаевича.

Приехал он около пяти часов. — Ну, сколько времени может продолжаться обед? — часа два, три, и то много..., а тут полночь, гимназист бежит по лестнице и на вопрос полицмейстера — «что делает его императорское высочество», на ходу отвечает: «водку пьёт с юнкером!»... Второй, третий час утра, — всё ещё не выходит из квартиры, и узнать нельзя: в дом полиция войти не смеет — дом вне подозрений. И в лавочку больше никто не бегаёт и справиться не у кого... есть от чего тревожиться...

Юнкер — Павел Варпаховский, как полагалось по воинскому уставу, хотя и был в отпуску, на следующий день явился в кабинет директора училища с рапортом. На вопрос начальства: «что вам надо?» — вытянулся «в струнку» и бойко отчеканил: «Вчера имел счастье лицезреть его императорское высочество великого князя Петра Николаевича» — «Где?! Когда? На улице?», так и подскочил от неожиданности почтенный генерал. — «Никак нет» — «На обеде в доме профессора Адриана Викторовича Прахова, куда был приглашён его супругой, по случаю прибытия к ним его императорского высочества». — «А вы, что там делали? в это время?» — «Водку пил с его императорским высочеством!»

Картина... Изумление директора не поддаётся описанию... Павел рассказывал нам всё это со смехом, представляя в лицах всю комическую сцену, разыгравшуюся в кабинете директора Киевского юнкерского училища.

Шансы его в юнкерском училище после этого «события» сильно поднялись. В глазах начальства он сразу повысился в чине и вскорости получил офицерский чин и назначение в какую-то воинскую часть, — не помню в какую.

Киев. 31 Августа

1951 года.

7 ч. утра — 2 ч. 25 м. дня,

Николай ПРАХОВ